

Сын Ленинграда

В городе, холодном и обезлюдившем, занималась заря новой культуры. Это было почти 30 лет тому назад. На Васильевском острове Д. Рождественский проникнул в строение атома, применив метод спектрального анализа. В «башне молчания» творил свои эпохиальные работы Иван Петрович Павлов. Неистовый Марр разрабатывал свою знаменитую яфетическую теорию. В Маринском театре выходили на сцену безвестными мимистами двое высоких, худощавых юношей, одетых в костюмы русской сказки: Николай Черкасов и Евгений Мравинский. На Введенской улице в остекленной мастерской, среди полотен, утверждавших радость земного бытия, писал портрет мальчика Б. Кустодиев.

Мальчик с серьезными глазами, с узким подбородком, в матросском костюме держал на коленях нотную тетрадь. На переплете ее было отпущено: Шопен.

— А вот когда я опять буду писать тебя, Митя, то на коленях твоих будет лежать уже не Шопен, а Шостакович. Хорошо?..

Кустодиев шутил тогда, но в шутке этой точно скрывалось предчувствие славы мальчика, сидевшего перед ним.

Когда мальчик этот вырос из рамок музыкальной школы, его привели к Глазунову. Так состоялась эта встреча, полная глубокого смысла; встреча прославленного русского композитора, завершавшего один

период в развитии нашей музыкальной культуры, с мальчиком, которому суждено было открыть ее новую блестящую страницу.

Глазунов сидел за рабочим столом в своем кабинете — грузный, большой, с мешками под усталыми глазами. Он бросил взгляд на молчаливого мальчика, пришедшего вместе со своей матерью, начал перелистывать его работы. Взгляд Глазунова был серьезен, сосредоточен, он попросил Дмитрия сесть за рояль, сыграть несколько своих вещей...

Двенадцатилетний Шостакович стал студентом Ленинградской консерватории. Он быстро и стремительно созрел как художник. Казалось, внутренний рост его, проходивший с такой силой, отвечал стремительным изменениям, переживавшимся нашей страной.

Теплым майским вечером 1926 года оркестр Филармонии уже исполнял первую симфонию молодого музыканта. Этот весенний вечер был рождением большого и сильного художника. Ему было тогда 19 лет.

Но юноша не был удовлетворен. Ему казалось, что он недостаточно обогащен музыкальной культурой, что у него нет своего ясно выраженного голоса. Больше года он после своего блестящего первого успеха ничего не писал. В нем протекал сложный внутренний процесс. Он не только впитывал в себя прекрасное наследие русской музыкальной культуры, но только изучал мировую класси-

ку, но также подвергся влиянию, шедшему из Европы.

И так случилось, что в своих устремлениях молодой художник ушел в мир гиперболически искривленных угловатых

образов. Это была болезнь... Но страна, совершавшая историческую перестройку социальных отношений, не могла признать это порождение болезни своим искусством. Трудные дни предстояли Шостаковичу: дни преследения самого себя, мучительных поисков искусства сильного, глубокого, ясного, которое получил бы право именовать себя искусством советской страны.

Он был очень строг к себе. Он очень много работал. Все виды музыкального искусства были для него важны и значительны.

Так он с увлечением предавался музыке для кино. Он писал для «Нового Вавилона» Козинцева и Трауберга, написал песню для «Встречного» Фридриха Эрмлера «Нас утро встречает прохладой», — вы знаете эту песню. Шостакович приносил ее режиссеру, а Эрмлер, который в этом фильме пробивался к большому реалистическому искусству, находил, что все это еще «не то». И Шостакович пробовал еще и еще, пока песня не зазвучала прозрачно и певуче.

Вот еще одно проявление его всыскательности: оркестр исполнял для записи увертюру «Великому гражданину». Эрмлер в поисках большей выразительности одного из кусков ее не мог точно передать Шостаковичу, чего он желает. «Здесь надо так: та-та-та-та!... Ты понимаешь меня?» Эрмлер рассказывал об этом не без юмора: «Я выкрикивал, как дикарь, а Шостакович, задумавшись,

шел в оркестр, переходил от музыканта к музыканту и исправлял каждую партию».

«А теперь?» «Нет, — решительно сказал Эрмлер, — раньше лучше было...»

А потом, когда музыка была уже написана, Шостакович просиживал долгие часы в аппаратной, сам проверяя, как идет запись музыки. Он делал это потому, что ему было далеко не безразлично, как дойдет его работа до тех, для кого он писал.

Он искал дороги к простому и глубокому искусству, достойному великого народа, великой эпохи, которую переживал его народ... Он продирался к этому искусству, как продирается пунтик в обледенелых горах. И все же он взшел на вершину и увидел с высоты ее мир, залитый солнцем. Радость охватила его. Победа!..

Он рассказал об этом в своей Пятой симфонии, которая потрясла наши сердца.

Шостакович играл ее в узком кругу. Был в этом кругу высокий, худощавый, с энергичным лицом — его современник Евгений Мравинский.

Шостакович сидел за инструментом. Мравинский смотрел на Шостаковича, на его бледное лицо, на глаза, устремленные к клавиатуре, по которой бегали сильные кисти, смотрел, слушал, волнение постепенно заражало его. Он читал в симфонии оптимистическую трагедию: человек в муках нашел себя! Он слышал в ней благородную и глубокую простоту, родившую ее с классиками.

Они работали совместно — композитор и дирижер, заразив своим увлечением и оркестр. И Пятая

симфония проведена была Мравинским с подлинным вдохновением.

Вспомним, в какое время она прозвучала. Страна выполняла план великих работ. На Западе сгущались темные тучи. Симфония звучала, как гимн человеку, который обрел решимость и силу. Почему нашла она такой отклик в нашей стране? Потому что сотни тысяч людей почувствовали: это про меня, про наше становление.

И следовало думать, что за Пятой симфонией появится другая, которая подымется над миром такой же высокой горной вершиной.

Война... Враг уже приближался к Ленинграду. Рушились под бомбами первые дома. Город жил напряженной жизнью. В эти дни в одном из домов Петроградской стороны художник создавал симфонию, которой предстояло потрясти мир.

Утром 17 сентября за Шостаковичем пришла машина Радиокомитета. Композитор пришел в студию и сказал в микрофон, обращаясь к гражданам Советского Союза:

— Час тому назад я закончил партитуру второй части нового симфонического сочинения. Если мне удастся написать его хорошо, удастся закончить третью и четвертую части, тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией. Для чего я сообщаю об этом? Для того, чтобы те, кто слушает меня сейчас, знали, что жизнь в нашем городе продолжается... Будем же защищать нашу Родину, нашу жизнь, наше искусство!..

Вечером у Шостаковича собралось несколько друзей. Он сел за рояль. Он хотел сыграть им куски из новой симфонии. Внезапно завыл сигнал воздушной тревоги. Шостакович возросительно взглянул на друзей, никто из них не пожелал спуститься

вниз, в бомбоубежище. И он начал играть.

Поистине — это было написано кровью его сердца, глубокого, честного сердца.

Она зазвучала и в Ленинграде. Под жерлами немецких пушек 15 августа 1942 года в Большом зале Филармонии горели все люстры. Зал был переполнен. Оркестром руководил Карл Ильич Элиасберг.

Перед ним сидели оркестранты, которые были не только музыкантами, но и бойцами города-героя.

И те, кто сидели в зале, те были такими же, как оркестранты. Они выстояли зиму, они беззаветно трудились, подготавливая час победы, а сейчас слушали симфонию, посвященную им замечательным художником советской страны.

В разных городах разных стран мира исполнялась она, но должно быть никогда и нигде не звучала она так, как в зале Ленинградской филармонии в августовский вечер 1942 года.

Отгремел финал... После короткого молчания раздался грохот аплодисментов. Ленинград приветствовал не только оркестр с его дирижером, но и земляк-гражданина, призывавшего своим искусством на бой с черными силами фашизма.

Прошло пять лет... Композитор опять в городе, прекрасном и величественном, еще сохранившем рубцы боевых ран. Этот город всегда стремился первым исполнять его лучшие вещи. Он и в эти дни великого кануна готовится услышать первым его «Праздничную увертюру».

Скоро будет день — из высокого зала с колоннами польется поток звуков радости, как лился звуки гнева и борьбы...

Д. СЛАВЕНТАНТОР

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД г. Ленинград